

ПИСЬМА А. А. ФЕТА к А. А. КРАЕВСКОМУ (1854–1856)

Публикация В. А. Лукиной

Публикуемые четыре письма Фета к редактору и издателю «Отечественных записок» Андрею Александровичу Краевскому (1810–1889) поступили в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ) в 1889 году, после смерти последнего, от его зятя — Василия Алексеевича Бильбасова (1837–1904), который передал Библиотеке большую часть бумаг Краевского, в том числе восемь переплетенных томов, содержащих письма к нему от 759 лиц.¹ Помимо писем, в фонде Краевского находятся также корректурные гранки двух стихотворений Фета: «Из Анакреона» («Сядь, Вафилл, в тени отрадной...») и «Сядь у моря — жди погоды...».²

Письма Фета относятся к 1854 — началу 1856 года, т. е. к тому времени, когда поэт уже успел приобрести литературную известность и не

¹ См. описание бумаг Краевского, составленное хранителем Отдела рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычковым: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 34 (вышло также в виде отдельного оттиска). Здесь же в приложении опубликованы письма к Краевскому В. Г. Белинского и В. П. Боткина. Далее сокращенно: *Бумаги Краевского*, с указанием страницы (2-й паг.). К сожалению, на сегодняшний день биография и деятельность Краевского изучены явно недостаточно. Вышедшая сравнительно недавно книга Л. П. Громовой «А. А. Краевский — редактор и издатель» (СПб., 2001) остается едва ли не единственным специальным исследованием, посвященным человеку, который сыграл столь значительную роль в историко-литературном процессе XIX в. Статья С. В. Герасимовой «Фет в „Отечественных записках“ 1840-х годов (поэтика межтекстовых отношений)» (*Фетовские чтения* (XV). С. 163–173), несмотря на многообещающее заглавие, посвящена не истории сотрудничества поэта в журнале Краевского, а изучению «тематических, стиливых взаимодействий между произведениями Фета и другими журнальными текстами» (С. 164).

² РНБ. Ф. 391. № 44. Второе стихотворение было запрещено цензурой.

был новичком в журнальном мире. Отражая сравнительно небольшой эпизод из многолетней истории сотрудничества Фета в «Отечественных записках», — связанный с публикацией в журнале повести «Дядюшка и двоюродный братец» и перевода четырех книг «Од» Горация, а также с подготовкой нового собрания стихотворений, увидевшего свет в 1856 году, — они, безусловно, являются лишь незначительной частью продолжавшейся на протяжении ряда лет переписки, однако местонахождение других писем Фета, а также ответных писем Краевского остается неизвестным.

Сложно сказать, когда именно состоялось знакомство Фета с Краевским. В «Моих воспоминаниях» (1890) Фет сообщает, что оно произошло в Петербурге во время его службы в уланском полку и называет имя человека, познакомившего его с издателем «Отечественных записок», — им был И. С. Тургенев, с которым поэт тесно сблизился еще во время пребывания писателя в ссылке в Спасском-Лутовиново и продолжил общение в Петербурге. «Однажды Тургенев объявил мне, — вспоминал Фет, не уточняя ни месяца, ни года, — что Краевский желает со мною познакомиться, и мы отправились в условленный день к нему».³ Когда же могла состояться эта встреча?

Известно, что уланский полк, в котором служил Фет, был в это время расквартирован под Новгородом, однако поэт приезжал, как следует из воспоминаний, три раза в неделю в Петербург для конных учений, происходивших в манеже. В один из подобных приездов состоялось его знакомство с И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, а вслед за тем и обед у А. Я. Панаевой, красочно описанные в «Моих воспоминаниях».⁴ По всей видимости, этот обед, на котором Фет познакомился с А. В. Дружининым, С. М. Воробьевым, П. В. Анненковым и др., состоялся 7 декабря 1853 года.⁵ Запись о нем сохранилась в «Дневнике» Дружинина: «Обедал, как водится, у Панаева, где нашел несколько новых лиц: поэта Фета (верно, un Про-фета Мейерберова — сказал Языков), коренастого армейского кирасира, говорящего довольно высоким слогом <...>».⁶ «Дневник» Дружинина позволяет внести некоторые уточнения в рас-

³ МВ. Ч. 1. С. 37.

⁴ Там же. С. 32–33. Отметим, что этот эпизод из «Моих воспоминаний» оказался почему-то пропущенным в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» (СПб., 2005. Т. 1: 1821–1855).

⁵ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

⁶ Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 252 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: Дружинин. Дневник, с указанием страницы.

А. А. Краевский
Фотография А. И. Денъера. Петербург, 1865 г.

сказ Фета.⁷ Так, поэт упоминает, что уже на первом обеде у Панаева он встретил «своих приятелей» Боткина и Тургенева, однако это маловероятно, поскольку 7 декабря Тургенева в Петербурге еще не было. Получив разрешение вернуться в столицу, он приехал в Петербург, очевидно, только 9 декабря, остановившись в доме Тулубьева, в Поварском переулке,⁸ неподалеку от дома Трубникова (на углу Поварского и Коло-

⁷ «Дневник» Дружинина существенно дополняет и составленную Г. П. Блоком «Летопись жизни А. А. Фета», в которой знакомство с литературным кружком «Современника» отнесено к январю 1854 г. (*Летопись*. С. 302).

⁸ В «Летописи» Тургенева указано, что он прибыл в Петербург «около, не позднее 9 (21) декабря»: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 254. Эта дата устанавливается предположительно, на основе письма Тургенева к С. Т. Аксакову от 13 декабря, в котором он сообщал: «Сегодня пятый день, что я приехал сюда <...> и я еще не успел хорошенько оглядеться <...>» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 283). Принимая во внимание запись в «Дневнике» Дружинина об обеде у Панаева (на котором Тургенева не было), нет достаточных оснований сомневаться в том, что Тургенев приехал *ранее* 9 декабря — даты, указанной им самим.

кольной), в котором жили Некрасов и Панаев, и сразу же окунулся в бурную общественно-литературную жизнь.

Очевидно, в «Моих воспоминаниях» перед нами предстают переплетенными воспоминания о двух обедах у Панаева, на которых присутствовал Фет: 7 и 13 декабря. Именно на втором из них Фет и увиделся с Тургеневым, поскольку в этот день редакция «Современника» подготовила, по выражению Л. Н. Майкова, «приятельскую овацию» в его честь.⁹ «Чтобы приветствовать вновь прибывшего, — отмечает он, — в редакции „Современника“ устроился обед, на который сошлись П. В. Анненков, А. А. Фет, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, В. А. Милютин, М. Н. Лонгинов и еще несколько человек из ближайших сотрудников журнала».¹⁰ Запись об этом «импровизированном банкете», на котором присутствовала «почти вся русская словесность», сохранилась и в «Дневнике» Дружинина.¹¹

Таким образом, с середины декабря 1853 года начинается интенсивное сближение Фета с кругом «Современника» — Тургеневым, Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Боткиным и др. «Конечно, — как отмечает Н. П. Генералова, — Тургенев стоит в этом ряду на первом месте».¹² Фет регулярно бывает у Панаева и «чуть не ежедневно по утрам» у Тургенева, которого знакомит со своим переводом од Горация и с новыми стихотворениями.¹³ Сведения о некоторых из этих встреч приводит Дружинин. Так, мы узнаем, что 17 декабря Фет обедал вместе с ним (а также с М. Л. Михайловым и цензором В. Н. Бекетовым) у Панаева, а «после обеда явился Тургенев <...>. Читали очень милую вещь Фета „Днепр в половодье“ и другую, „Гораций и Лидия“. <...> Разъехались около 8 часов».¹⁴

⁹ См.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу // Русское обозрение. 1894. Т. 13. № 11 (Ноябрь). С. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дружинин. Дневник. С. 253–254.

¹² Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 378. Об истории непростых взаимоотношений Тургенева и Фета см. главу V «Тургенев и Фет. Незавершенный спор» (С. 351–453).

¹³ МВ. Ч. 1. С. 33, 36.

¹⁴ Дружинин. Дневник. С. 255. Необходимо отметить, что взгляды Фета, которые Дружинин иронично характеризует словом «высшие», изначально не вполне пришлись ему по вкусу. В «Дневнике» сохранилось немало едких высказываний о поэте: «Но что за нелепый детина сам Фет! Что за допотопные понятия из старых журналов, что за восторги по поводу Санда, Гюго и Бенедиктова, что за охота гово-

Об обстоятельствах написания первого стихотворения Фет упоминает в «Моих воспоминаниях»: «Потому ли, что я стал окружен литературной атмосферой или уж очень скучал в моем одиноком номере гостиницы, — захвативший ко мне Иван Сергеевич застал меня с карандашом в руке. Я только что окончил стихотворение: „Днепр в половодье“». И далее приводит чрезвычайно высокую оценку этого стихотворения, данную Тургеневым: «Я боялся, что талант ваш иссяк, но его жила еще могуче бьет в вас. Пишите и пишите!».¹⁵ Это позволяет предположить, что стихотворение было написано между 13 и 17 декабря. Примечательно, что оба названных Дружининым произведения были опубликованы уже в следующем номере «Современника» (1854. Т. 43. № 1) под заглавиями «На Днепре в половодье» («Светало. Ветер гнул упругое стекло...»), с посвящением А. Я. Панаевой, и «К Лидии» («Доколе милым я тебе еще казался...»), перевод оды IX из третьей книги «Од» Горация.

Несмотря на то, что Фет, по собственному признанию, к тому времени «давно уже не писал стихов» и их запас «оказался ничтожен», в скором времени Некрасов пригласил его, «по совету самого Тургенева», как отмечает поэт, «в исключительные сотрудники „Современника“ с гонораром 25-ти рублей за каждое стихотворение».¹⁶ Соответствующее сообщение редакции о том, что журнал заручился постоянным сотрудничеством Фета, появилось уже в январском номере «Современника» за 1854 год. Там же был анонсирован скорый выход в свет его перевода поэмы Гёте «Герман и Доротея» и переводов из Горация.¹⁷ Помимо

речь и говорить ерунду! В один из прошлых разов он объявил, что готов, командуя брандером, поджечь всю Англию и с радостью погибнуть!» (Там же; запись за 18 декабря 1853 г.). Примечательно, что в схожем ключе он воспринял и вернувшегося из ссылки Тургенева, как одного «из тех членов старой плеяды, которые когда-то остановились на Ж. Санде, художественности, Париже и русском помещике-звере и с тех пор не двигаются далее» (Там же. С. 243–254; запись за 14 декабря). Позднее отношение Дружинина и к Фету, и к Тургеневу претерпело существенные изменения.

¹⁵ *МВ*. Ч. 1. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 35–35.

¹⁷ «Лучшая литературная новость, которую мы можем на этот раз сообщить нашим читателям, — сообщил анонимный рецензент, — также связана с именем г. Фета. Он перевел и приготавливает к печатанию оды Горация. Мы слышали большую часть их и, сознаемся, до сей поры не можем выйти из-под влияния этой роскошной, обаятельной поэзии, этого музыкального и сильного стиха, соединяющего с легкостью, изяществом, плавностью строгую верность подлиннику. Надо быть самому поэтом, чтоб так переводить Горация. Мы ждем этой книги с большим

уже упомянутых стихотворений, в этом номере были опубликованы еще два: «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» и «Растут, растут причудливые тени...», а в следующей, февральской, книжке появилась целая подборка из 10 стихотворений.

«Дневник» Дружинина представляет уникальный источник для воссоздания круга общения и биографии поэта на протяжении зимы 1853/1854 года. Только в декабре 1853 года Дружинин встречался с Фетом, по меньшей мере, еще четыре раза. Так, за встречей у Панаевых 17 декабря последовала следующая — 20 декабря (здесь же были С. М. Воробьев, братья А. А. и К. А. Панаевы, Е. Я. Краевская), 26-го — Фет навестил Дружинина вместе со своим сослуживцем И. П. Щербатским (здесь же он мог видеть А. Л. Трефорта, В. Н. Семевского, В. П. Гаевского и М. Л. Михайлова), 28-го — встретился у Щербатского с Дружининым и Трефортом и обедал с ними затем у Дюссо, а 31-го — был на вечере у М. Л. Михайлова, где, помимо Дружинина, виделся также с Григоровичем и профессором Н. Н. Буличем.¹⁸ Кроме того, Дружинин и Фет могли видеться на вечере у А. В. Никитенко, который состоялся, по всей видимости, 18 декабря и на котором Фет читал свой перевод Горация. «Это капитальнейший труд нескольких лет и действительно ценный вклад в нашу литературу», — записал в своем «Дневнике» несколько дней спустя Никитенко.¹⁹

Не менее частыми были встречи Дружинина с Фетом в январе и начале февраля 1854 года. Достаточно сказать, что 1 января Фет и Дружинин обедали у Тургенева в обществе Григоровича, А. Ф. Видерта и Г. С. Лаврова, а 3 января вновь встретились у Панаева, где собрались Тургенев, Григорович, Н. А. Краснокутский, С. М. Воробьев, А. Я. Брянский, В. П. Гаевский и А. А. Потехин. Тогда же, как следует из «Дневника» Дружинина, «Фет прочел свою вещь „Пчелы“, какую-то грезу в майский день при виде пчел, вползающих в цветы. Никогда сладостное влияние весны не было передано лучше, стихотворение всех нас обворожило. Затем Тургенев прочел мне многие мне неизвестные вещи Фета».²⁰ Неудивительно, что вскоре этим стихотворением смогли на-

нетерпением и предсказываем публике одно из таких литературных наслаждений, которые ей придется испытывать весьма редко» (Литературные новости // Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. V (Современные заметки). С. 103).

¹⁸ Дружинин. Дневник. С. 257, 259, 260, 263.

¹⁹ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступит. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. Л., 1955. Т. 1. С. 377. О «Никитенкином вечере» упоминает и Дружинин (см.: Дружинин. Дневник. С. 257).

²⁰ Дружинин. Дневник. С. 265.

слаждаться уже все читателя «Современника».²¹ Как вспоминал впоследствии сам Фет, «обеды у Панаева и Тургенева повторялись с обычным шумом и веселостью, не без примеси весьма крупной аттической соли и некоторого злорадства со стороны всегда мягкого и любезного Тургенева».²²

Возвращаясь к вопросу о времени знакомства Фета с Краевским, отметим, что, судя по воспоминаниям Фета, оно состоялось уже после заключения «исключительного» соглашения с Некрасовым. «После первых слов приветия, — вспоминал Фет, — Андрей Александрович стал просить у меня стихов для „Отечеств<енных> записок“, в которых я еще во времена Белинского печатал свои стихотворения». И добавлял далее: «Он порицал уловку Некрасова, заманившего меня в постоянное сотрудничество. — Это уже какая-то лавочка в литературе, говорил он».²³ Если принять свидетельство Фета за отправную точку, то речь, скорее всего, идет о встрече на одном из «четвергов» Краевского, состоявшихся после 9 января 1854 года — даты выхода в свет январской книжки «Современника», из которой Краевский мог узнать о договоре поэта с Некрасовым.

По воспоминаниям А. Н. Пыпина, «у Краевского собиралось по четвергам довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное — тут были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; в те годы Краевский был одним из самых видных, как бы „представителей печати“».²⁴ В качестве возможной даты можно назвать 14 января, ближайший к 9 января четверг. В пользу этого предположения говорит и запись в «Дневнике» Дружинина, побывавшего в этот день у Краевского и заставшего там и Тургенева, и Фета.²⁵ Неслучайно, перечисляя присутствовавших на ве-

²¹ Стихотворение «Пчелы» («Пропаду от тоски я и лени...») было опубликовано в февральской книжке журнала за 1854 г.

²² *МВ*. Ч. 1. С. 39.

²³ Там же. С. 37.

²⁴ См.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников / Вступит. статья Г. В. Краснова; подготовка текста и примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1971. С. 115 (Серия лит. мемуаров). Интересно, что Пыпин подчеркивает разительное отличие «журфиксов» Краевского, на которых «могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа», от кружка «Современника», где сходилась только «определенный, ближайший кружок, который обыкновенно и соединялся в одном общем разговоре...» (Там же. С. 115–116).

²⁵ «Я очень рад, — записал Дружинин в дневнике 15 января, — что вчера вечером съездил к Краевскому на его четверг. Публики было не очень много, но все

через гостей, он ставит их имена рядом. В этот день, возможно, и состоялся упомянутый в «Моих воспоминаниях» разговор с Краевским и Фет получил предложение возобновить сотрудничество в его журнале.

И все же ряд обстоятельств заставляет усомниться в справедливости предположения, что именно эта встреча положила начало их знакомству. Прежде всего обращает на себя внимание второе из публикуемых ниже писем, датированное 15 февраля 1855 года, в котором, поздравляя Краевского с прошедшим Новым годом, Фет вспоминает «старый, приятно встреченный» на квартире у издателя «Отечественных записок». Вряд ли поэт здесь имеет в виду свое посещение квартиры Краевского 14 января. Очевидно, речь идет о другой, более ранней, встрече, которая имела место в конце декабря 1853 года. Основываясь на «Дневнике» Дружинина, можно назвать две возможные даты — 24 и 31 декабря. О приглашении на «фестен», или «елку», у Краевского, намеченный на четверг, 24-е, Дружинин упоминает несколько раз. Сам он по ряду причин приглашением не воспользовался и провел вечер дома, но записал, вероятно, со слов очевидцев: «...у Краевского пылала елка, пела m-me Лагранж, Григорович и К^о увеселяли публику».²⁶ Логично предположить, что среди посетителей этого «фестена» могли быть и Тургенев с Фетом. Еще более правдоподобной кажется вторая дата — 31 декабря, также выпавшее на четверг: на этот день у Краевского был назначен бал в честь Нового года, продолжавшийся до самого утра.²⁷ По всей видимости, именно это празднество с танцами до 4 утра и вспоминал Фет год спустя в своем письме.

Вместе с тем само знакомство с Краевским могло состояться и ранее, в период между 10 и 24 декабря. Несмотря на ряд отмеченных неточностей в воспоминаниях Фета, вряд ли стоит подвергать сомнению тот факт, что с Краевским его свел Тургенев. Таким образом, первый визит к Краевскому состоялся после возвращения Тургенева в Петербург, но не в январе 1854, как было принято считать, а во второй половине декабря 1853 года.²⁸ Несомненно, Краевский был заинтересован

большой частью люди, которых приятно видеть. Фет, Тургенев, Гаевский, Михайлов (с которым мы и прибыли), Дудышкин, Корш, Левицкий с женой и давно не виданный В. Зотов с супругой. Были еще лица менее знакомые, между прочим московский мудрец Грановский с женой» (*Дружинин. Дневник*. С. 268).

²⁶ *Дружинин. Дневник*. С. 259.

²⁷ Там же. С. 261–263.

²⁸ См., напр.: *Летопись*. С. 302, где знакомство относится к периоду с 3 по 28 января. Эта же дата зафиксирована: *Фет. ССЛП*. Т. 3. С. 362.

в появлении произведений Фета на страницах своего журнала и постарался привлечь его к сотрудничеству, о чем сам поэт рассказал в «Моих воспоминаниях», упомянув о том, что возобновившееся вскоре сотрудничество в «Отечественных записках» значительно охладило его отношения с Н. А. Некрасовым. В свою очередь Краевский, как следует из первого публикуемого письма от 25 мая 1854 года, предложил Фету бесплатный годичный абонемент на свой журнал, а также немеревался поместить в нем полный перевод «Од» Горация.

Нельзя также обойти вниманием тот факт, что сотрудничество Фета в «Отечественных записках» началось задолго до 1853 года. Об этом поэт напомнил во втором из публикуемых писем к Краевскому, а также рассказал впоследствии в «Моих воспоминаниях», однако с Краевским, как следует из них, он тогда знаком не был.

Как справедливо отметил Б. Я. Бухштаб, еще до появления в печати своего первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», вышедшего в Москве в ноябре 1840 года за подписью «А. Ф.», «Фет настойчиво старался завязать связи с журналами, но терпел неудачи».²⁹ Известно, что с этой целью он обращался, например, в журналы «Сын Отечества» и «Библиотека для чтения». Тогда же, по всей видимости, Фет попытался поместить свои стихотворения и в «Отечественных записках» Краевского, к которому обратился с соответствующей просьбой, вероятно, в конце 1839 или в начале 1840 года (письмо не сохранилось). Неизвестно, какие именно стихотворения Фет послал на суд Краевского (без сомнения, среди них были и те, которые составили в скором времени «Лирический Пантеон») и как отнесся к ним издатель «Отечественных записок». Так или иначе, стихотворения на тот момент никому неизвестного поэта его, по всей видимости, не заинтересовали. Об этом косвенно свидетельствует письмо Фета к И. И. Введенскому, в котором взволнованный молодой поэт, с нетерпением ожидавший откликов на свой дебют в печати, выражал тревогу в связи с возможным появлением отрицательного отзыва со стороны «Отечественных записок», опасаясь прежде всего Белинского. «Не скрою и того, — писал он в конце ноября 1840 года, после выхода в свет «Лирического Пантеона», — что очень побаиваюсь „Отечественных записок“, сиречь Белинского, потому что в нем литературной совести ни на грош. Пожалуй, чего доброго, разбирая мой „Пантеон“, вздумает выставить мое письмо к Краевскому и похвастать, что не принял. Но это будет личность, за которую

²⁹ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни творчества. Л., 1990. 2-е изд. С. 20. Далее сокращенно: Бухштаб. Очерк, с указанием страницы.

он со мной добром не разделается. <...> Благодаря Бога, теперь мечты о литературной деятельности проникли и заняли все мое существо, иначе бы мне пришлось худо».³⁰

Однако этим опасениям не суждено было сбыться. Напротив, неожиданно для Фета в декабрьской книжке «Отечественных записок» появилась анонимная положительная рецензия на «Лирический Пантеон», принадлежавшая, правда, не Белинскому, а П. Н. Кудрявцеву, в которой, несмотря на ряд подмеченных недостатков, была дана в целом высокая оценка таланта начинающего поэта.³¹ Отметив в качестве достоинств «кроткое спокойствие», «благородную простоту», «изобразительность», «особенную ловкость, оборотливость и даже грацию в стихе», Кудрявцев заключал: «...г. А. Ф. целою головою выше наших дюжинных стиходелателей».³²

Долгожданное признание, тем более со стороны «Отечественных записок», несомненно, вдохновило поэта на дальнейшее творчество. Вспоминая об этом эпизоде своей жизни, сам Фет впоследствии писал: «„Лирический Пантеон“, появясь в свет, отчасти достиг цели. Доставив мне удовольствие увидеть себя в печати, а барону Брамбеусу поскалить зубы над новичком, сборник этот заслужил одобрительный отзыв „Отечественных записок“».³³ Что касается Белинского, то стихотворения начинающего поэта и его не оставили равнодушным. Ознакомившись с рецензией Кудрявцева, он нашел ее очень хорошей, но одновременно посетовал в письме к В. П. Боткину от 26 декабря: «...только он уж чересчур скуп на похвалы — о строгий критик! А г. Ф. много обещает».³⁴

³⁰ *ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1315. Л. 8 об. Впервые опубликовано: Блок Г. П. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 80. С. 61.

³¹ *ОЗ*. 1840. Т. 13. № 12. Отд. VI (Библиографическая хроника). С. 40–42. Отметим, что, вопреки опасениям Фета, с разгромной рецензией на «Лирический Пантеон» выступил не Белинский, а О. И. Сенковский (барон Брамбеус) в «Библиотеке для чтения» (*БдЧ*. 1841. Т. 44. Отд. VI (Литературная летопись). С. 1–4).

³² *ОЗ*. 1840. Т. 13. № 12. Отд. VI. С. 42. Завершая свою рецензию, Кудрявцев писал: «Впрочем, что бы это ни было — дарование ли, воспитанное под сильным влиянием неумирающих авторитетов, или просто верный такт, верное чувство природы — да живет оно!.. Мы с своей стороны радостно приветствуем его первое вступление в свет и желаем только одного — чтоб оно продолжало свое воспитание под вдохновительным влиянием той благотворной музыки, которая так приветливо улыбнулась ему при самом рождении» (Там же).

³³ *РГ*. С. 180.

³⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 584.

Между тем с образованием в 1841 году «Москвитянина», составившего конкуренцию «Отечественным запискам», стихотворения Фета стали регулярно появляться на страницах этого журнала, в первую очередь благодаря содействию профессора С. П. Шевырева, который, как отмечает современная исследовательница, вскоре «начал активно содействовать созданию его литературного имени, подвигая в печать его стихи».³⁵ Начиная с первой публикации, состоявшейся в декабрьской книжке журнала, буквально за год в «Москвитянине» было напечатано около 50 поэтических произведений Фета. Среди них были, например, поэтические циклы: «Снега» — в январской книжке, «Гадания» — в мартовской и др., которые сразу же привлекли внимание читателей и немало способствовали первому литературному успеху, открыв двери, по образному выражению Фета, «в так называемые интеллигентные дома» Москвы.³⁶ Как отмечал впоследствии сам поэт, некоторые стихотворения, которые в эту пору рождались из-под его пера чуть ли не ежедневно, «ходили по рукам».³⁷ В московском доме Шевырева Фет впервые встретился с молодым И. С. Тургеневым, который незадолго до этого дебютировал в «Отечественных записках» с поэмой «Старый помещик».³⁸ Эта встреча, как было установлено Н. П. Генераловой, состоялась в конце 1841 — первых месяцах 1842 года (до 26 марта).³⁹ «Таким образом, — заключает исследовательница, — уже в начале 40-х годов Фет, если и не успел поближе познакомиться с Тургеневым, то хорошо знал его произведения, появившиеся к тому времени в печати, и слышал о нем от Я. Полонского, Н. М. Орлова, В. П. Боткина и многих других людей, близких к кругу Московского университета эпохи Грановского, Шевырева и других известных профессоров».⁴⁰

³⁵ См.: Письма к С. П. Шевыреву (1842–1848) / Предисловие, публ. и коммент. Т. Г. Динесман // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 58.

³⁶ *РГ*. С. 205.

³⁷ Там же. С. 204.

³⁸ См.: *ОЗ*. 1841. Т. 18. № 9. Отд. III (Словесность). С. 57–58, подпись: Т. Л.

³⁹ *Генералова Н. П.* Тургенев: Россия и Европа. С. 361–369.

⁴⁰ Там же. С. 369. Добавим к этому, что с начала сотрудничества Фета в «Отечественных записках» на протяжении 1843–1844 гг. стихотворения Фета и Тургенева неизменно печатались в одних и тех же книжках журнала. Так, в № 8 были опубликованы 2 стихотворения Фета и одно Тургенева, причем «Ах, дитя — к тебе привязан...» Фета соседствовало с «Цветком» («Тебе случилось — в роще темной...») Тургенева, в № 9 — по одному стихотворению Тургенева и Фета, в № 11 — 2 стихотворения Фета и 3 Тургенева, и снова рядом и т. д. Не случайно, в обзоре «Русская литература в 1843 году» Белинский ставит рядом имена Фета и Тургенева:

Несомненно, за становлением и развитием яркого поэтического дарования, продолжавшего скрываться за криптонимом «А. Ф.», с большим интересом следила и редакция «Отечественных записок». В скором времени при посредстве Н. А. Ратынского, однокурсника Ап. Григорьева, подрабатывавшего уроками в семье Боткиных, состоялось знакомство Фета с В. П. Боткиным. По всей видимости, их первая встреча произошла в марте 1842 года. Об обстоятельствах знакомства, инициатором которого выступил Боткин, Фет рассказал в «Ранних годах моей жизни»: «Однажды Ратынский, пришедши к нам, заявил, что критик „Отечественных записок“ Васил<ий> Петров<ич> Боткин желает со мной познакомиться и просил его, Ратынского, привести меня». ⁴¹ Молодые люди быстро сблизились, и Фет стал часто бывать у Боткина, во флигеле дома на Маросейке, где познакомился с А. И. Герценом, к тому времени уже поместившим в «Отечественных записках» несколько своих работ.

Именно Боткин привлек Фета к сотрудничеству в «Отечественных записках» ⁴² и выступил инициатором его заочного знакомства с Краевским. Вот что он писал Белинскому 27 марта 1842 года: «Посылаю для „Отеч<ественных> запис<ок>“ стихи того самого А. Ф., который прошлого года издал „Лирический Пантеон“. Кудрявцев об нем писал — а ты возрадовался и досадовал, что Кудрявцев мало похвалил его. Мне хотелось познакомиться с сим юношей, имя коего А. Фет; хотелось и узнать его, да и вытребовать у него стихов для „От<ечественных> запис<ок>“». ⁴³ Как следует из того же письма, старания Боткина увенча-

«Стихотворения нынче мало читаются, но журналы, по уважению к преданию, почитают за необходимое сдабриваться стихотворными продуктами, которых поэту появляется еще довольно много. Из них можно указать в особенности на довольно многочисленные стихотворения г. Фета, между которыми встречаются истинно поэтические, и на стихотворения Т. Л. (автора „Параши“), всегда отличающиеся оригинальностью мысли» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 84).

⁴¹ РГ. С. 205.

⁴² Роль Боткина не раз отмечалась в литературе о Фете. Впервые на это, как кажется, указал Г. П. Блок: *Летопись*. С. 289. «Боткин же, — пишет, например, Ю. П. Благоволитина, — был тем человеком, который вывел молодого поэта в „большую журналистику“, сделав его желанным автором не только сравнительно малотиражного „Москвитянина“, но и одного из самых популярных и широко читаемых в России журналов — „Отечественных записок“» (*Переписка с Боткиным*. С. 156).

⁴³ Цит. по: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., вступит. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 250 (Б-ка русской критики).

лись успехом — для следующего номера журнала ему удалось заполнить цикл «Вечера и ночи», который был опубликован в майской книжке за подписью «А. Ф.».⁴⁴ «Я очень рад, — замечал в этой связи Боткин, — что достал стихов от А. Ф. Он человек с дарованием. Как же можно, чтоб человек с дарованием не поставил своего имени на „Отечественных> записках“?». Примечательно, что Фет настаивал на публикации всего цикла целиком, а не разрозненными стихотворениями. В «Вечерах и ночах», добавлял далее Боткин, «много милого и грациозного»⁴⁵ — но лучше еще мне нравится маленькое стихотворение, его же — оно в духе Гейне и сильно хватает за душу. Его тоже следует напечатать, нужды нет, хотя в майской книжке — это на волю Андрея Александровича <...>».⁴⁶

Комментируя этот фрагмент письма, Б. Ф. Егоров указывает, что речь идет о переводе Фета стихотворения Гейне «Посейдон» («Солнце лучами играло...»), опубликованном в декабрьской книжке.⁴⁷ Довольно сложно согласиться с выводом исследователя, поскольку стихотворение из 51 стихов едва ли можно назвать «маленьким». Скорее тогда стихотворение, столь понравившееся Боткину, следует искать в следующей — июньской — книжке журнала, где появились сразу два перевода Фета из Гейне: «Ланиту к ланите моей приложи...» и «Дитя! мои песни далеко...», причем первое из них действительно можно назвать маленьким. Возможно также, что Боткин имел в виду оригинальное стихотворение Фета «в духе Гейне», которое появилось в «Отечественных записках» позднее или так и осталось в редакторском портфеле (что ма-

⁴⁴ ОЗ. 1842. Т. 22. № 5. Отд. I (Словесность). С. 183–186.

⁴⁵ Впоследствии в рецензии на сборник стихотворений 1856 г. Боткин выскажется об этом цикле (правда, к тому времени дополненном рядом новых стихотворений) более обстоятельно: «Отдел в книжке г. Фета под названием „Вечера и ночи“ заключает в себе несколько самых привлекательных, самых мелодических картин ночи. Картин — сказали мы, — но это слово не выражает нашу мысль, — в них чувствуются те глубокие, немые ощущения, которые пробуждает в душе нашей лунная ночь, чувствуется то, что, будучи незнаемо и недумаемо человеком, бродит ночью по таинственному лабиринту груди его. <...> Видно, что каждое из стихотворений этих действительно пережито, а это лучше всего доказывает, что каждая мелодия не выдумывалась, а невольно выливалась из глубоко возбужденного чувства и что в нем одном заключался основной мотив ее. Г. Фет прежде всего поэт ощущений: вот почему так трудно объяснить поэтические достоинства его» (*Боткин В. П.* Литературная критика. С. 227).

⁴⁶ Цит. по: *Боткин В. П.* Литературная критика. С. 250.

⁴⁷ См.: Там же. С. 301.

ловвероятно), как это произошло, например, со стихотворением «Но он на крик не отвечал...».⁴⁸

Текст этого стихотворения сохранился в письме Боткина к Краевскому от 11 марта 1843 года и был впервые обнародован лишь в 1893 году, когда бумаги Краевского поступили в Публичную библиотеку. «Фет написал стихи к знакомой нам с вами Блуднице, — сообщал в нем Боткин, — за которую я каждый день все говорю вам спасибо. Да стихи-то неудачны», — и далее был переписан текст стихотворения.⁴⁹ После 1893 года впервые это стихотворение было перепечатано Б. В. Никольским, который дал ему название «Блудница» и несколько изменил пунктуацию, добавив восклицательный знак в конце последней строфы.⁵⁰ С тем же названием стихотворение было напечатано и Б. Я. Бухштабом в 1937 и 1959 годах, а также в выходящем ныне Собрании сочинений и писем поэта в 20 томах.⁵¹ Интересно отметить, что во втором издании Бухштаб расширил комментарий к этому стихотворению, справедливо указав, что его сюжетная основа «связана с евангельским преданием о прощении Христом женщины, которую хотели побить камнями, так как она была уличена в блуде».⁵² «В основе стихотворения евангельский сюжет о Христе и грешнице», — отмечают и комментаторы выходящего ныне Собрания сочинений и писем поэта в 20 томах.⁵³ Необходимо, однако, внести одно небольшое уточнение: стихотворение Фета, как следует из писем Боткина к Краевскому, было написано под впечатлением от картины, которую Краевский переслал Боткину в конце 1842 года.⁵⁴

⁴⁸ Любопытно, что, вспоминая об этом периоде в «Ранних годах моей жизни», сам Фет признает сильное увлечение поэзией Гейне и отмечает, что увлечение это было повсеместным: «Но никто в свою очередь не овладевал мною так сильно, как Гейне своею манерой говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине, например, плачущей дочери покойного лесничего и свернувшейся у ног ее собаки. Гейне в ту пору завоевал все симпатии <...>» (РГ. С. 209).

⁴⁹ См.: *Бумаги Краевского*. С. 63–64.

⁵⁰ *ПССМ 1901*. Т. 2. С. 548.

⁵¹ См.: *ПССМ 1937*. С. 328–329; *ПССМ 1959*. С. 420; *Фет. ССЦП*. Т. 1. С. 335.

⁵² *ПССМ 1959*. С. 795.

⁵³ *Фет. ССЦП*. Т. 1. С. 492.

⁵⁴ «О „Блуднице“ же справлялся в конторе транспортов, — сообщал Боткин Краевскому 29 декабря, — нет. Если это та же картина, на которую я не мог посмотреть у вас, то заранее кланяюсь вам всеми моими пятью чувствами. Но где же она могла деться?» (*Бумаги Краевского*. С. 53).

Вообще же письма Боткина к Краевскому красноречиво свидетельствуют о большом интересе и участии, которые Боткин проявлял по отношению к молодому поэту. Так, в том же письме от 11 марта 1843 года, где было переписано стихотворение «Но он на крик не отвечал...», Боткин упоминает, что накануне выслал Краевскому еще несколько стихотворений Фета, и добавляет: «...его „Колыбельная песнь“ вам верно понравится. Чудесная!».⁵⁵ Несомненно, речь идет о стихотворении «Колыбельная песня» («Сердце-незабудка!...»), которое было опубликовано гораздо позже, в январской книжке за 1844 год, и открывало раздел «Словесность». Это стихотворение, как известно, было особо отмечено Белинским в обзоре «Русская литература в 1844 году», наравне со стихотворениями Лермонтова.⁵⁶ О том, насколько высоко Боткин ставил поэзию Фета, свидетельствует его письмо к Краевскому от 20 мая 1843 года. «Кажется, у вас теперь стихов довольно, — писал он в нем. — Впрочем, не будьте на них тароваты. Огар<ев> стихов не присылает: говорит, что не пишутся. Теперь одна надежда на Фета».⁵⁷

Письма Боткина позволяют также дополнить историю публикации в «Отечественных записках» выполненного Фетом перевода драматической поэмы Шиллера «Семела». Посылая Краевскому перевод 26 апреля 1843 года, Боткин аттестовал его как «во всех отношениях превосходный» и сообщал о просьбе Фета «отпечатать для него отдельно» 25 экземпляров поэмы.⁵⁸ По всей видимости, на первых порах никакого отклика со стороны Краевского не последовало, потому что 20 мая Боткин вновь интересовался: «Я вам послал „Семелу“, пер<евод> Фета; получили?».⁵⁹ В последующих письмах он еще не раз возвращался к этому вопросу, однако «Семела» увидела свет только в июле следующего года.

Завершая цитировавшееся выше письмо к Белинскому, написанное по следам знакомства с Фетом, Боткин с долей ехидства сообщал: «У него (Фета. — В. Л.) Шевырка все берет стихи для „Москвитянина“ — да я теперь буду лучшие-то брать прежде Шевырки».⁶⁰ Свое обещание он выполнил. На протяжении 1842 года в «Отечественных записках» были напечатаны 15 стихотворений Фета, причем в декабрь-

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 485.

⁵⁷ Бумаги Краевского. С. 71.

⁵⁸ Там же. С. 67–68.

⁵⁹ Там же. С. 71.

⁶⁰ Боткин В. П. Литературная критика. С. 250.

ской книжке Фет впервые подписался полным именем, в 1843 — 13, в 1844 — 7 стихотворений, поэма «Семела» и 4 перевода из Горация, в 1845 — 7 (в общей сложности 32 произведения). В дальнейшем стихотворения поэта на страницах «Отечественных записок» стали появляться реже: в 1846 — 2, в 1847 — 1, после чего сотрудничество Фета в журнале временно прекратилось. Столь резкая перемена была вызвана изменением вкуса публики и общим упадком интереса к поэзии, который, как отмечает Бухштаб, «как нельзя ярче сказался на судьбе стихов Фета». ⁶¹ Достаточно взглянуть на отдел «Словесность» за эти годы, чтобы убедиться, что на какое-то время поэзия со страниц журнала оказалась практически вытесненной.

Безусловно, история взаимоотношений Фета с Краевским и с «Отечественными записками» не исчерпывается публикуемыми письмами и заслуживает дальнейшего изучения.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей РНБ: Ф. 391. № 786, с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

25 мая 1854 г. Ревель

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Почти полгода странствую я с тех пор, как простился с Вами, и в настоящую минуту решительно не знаю, что вообще делается в Петербурге. Как, например, поживает мой Гораций. ¹ После 1-го мая, к которому Тургенев обещал вернуться в Питер, я писал к нему два раза и ни строчки в ответ. ² Вас же я, собственно, решил беспокоить по поводу «От<ече-
ственных> запис<ок>». Я, если припомните, получил из Ваших рук 2 первых N, т. е. январь и февраль, а дальнейшие напрасно ожидаю с каждой почтой. В Писании сказано: «и всяк дар совершен», ³ поэтому и Вы довершите прекрасный дар свой присылкой остальных NN.

Милостивой государыне Елисавете Яковлевне ⁴ прошу передать мой усерднейший поклон. Но, вероятно, она, согласно намерения, переехала уже в деревню и мой поклон до нее не дойдет. До сих пор лето у нас так холодно, что в конце мая мы без зазрения совести топим печи.

⁶¹ Бухштаб. Очерк. С. 24.

С истинным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой
А. Фет.

Мая 25 дня.

Мой адрес: Аф<анасию> Афа<насьевичу> Фету,
л<ейб> г<вардии> Уланского его высочества
цесаревича полка
поручику
в г. Ревель.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 5–6.

Год написания письма устанавливается по содержанию: полк, в котором служил Фет, выступил в поход в феврале 1854 г. и был расквартирован в Ревеле.

¹ «Однажды, — вспоминал сам Фет, — когда мы кончили пересмотр Горациевых од, Тургенев объявил мне, что Краевский просит их для „Отечественных записок“ и, кроме пятисот экземпляров отдельных оттисков, предлагает за них тысячу рублей. В то время эта сумма показалась мне огромна, и я согласился» (*МВ*. Ч. 1. С. 37). По всей видимости, этот разговор состоялся в январе — феврале 1854 г. О публикации полного перевода Фета «Од» Горация в «Отечественных записках» см. также письмо 2, примеч. 7.

² Эти письма Фета к Тургеневу неизвестны. Вопреки ожиданиям, Тургенев вернулся в Петербург из Спасского после 20 мая 1854 г.

³ Фет имеет в виду Соборное послание апостола Иакова: «Не льститея, братие моя возлюбленная; всяко даение благо и всяк дар совершен свыше есть <...>» (Иак. 1: 16–17). Беспокойство Фета по поводу получения очередных номеров журнала было вызвано отчасти и тем, что в мартовской книжке появился его рассказ «Каленик» (*ОЗ*. 1854. Т. 93. № 3. С. 3–16).

⁴ О Е. Я. Краевской см. письмо 2, примеч. 1.

2

15 февраля 1855 г. Куйкац

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Начну с того, что поздравлю Вас и Елисавету Яковлевну¹ с Новым годом, припоминая старый, приятно встреченный у Вас в зале, маленько<й> гостиной, кабинете, бильярдной и проч.² Вы забыли, но я очень

хорошо помню, что при первых попытках появиться в печати («От<ече- ственные> за<писки>» сороковых год<ов>) я, будучи москов<ским> студент<ом>, получил от Вас даровой экземпляр журнала, как говорит- ся, honoris causa.^а³ Только на этом основании в прошедшем году я так смело выпросил у Вас то же самое,⁴ но после подумал — Бог знает, что подумал! Я не даю даром своих грехов⁵ — я в своем праве. — Вы можете не давать даром журнала по такому же, если не по большему пра- ву, — писать стихи — ничего не стоит, а издавать журнал стоит много. Поэтому крайне обяжете меня, если при расчете выключите цену годо- вого издания из следующих мне денег. Но, во всяком случае, получив вчера в г. Валке из почтов<ой> конторы вовсе неожиданный январ- ский № «От<ечественных> зап<исок>», я с особенным удовольствием спешу на первом попавшемся листке поблагодарить Вас за любезную внимательность.⁶ Не знаете ли Вы, не слыхали ли — что делается с Тур- геневым, с Горацем,⁷ с моим рассказом?⁸ Жду каждую почту напрасно разрешения этих загадок. Но вотще... Весной мы снова, слышно, под- вигаемся к Питеру — кажется, между Нарвой и Ревелем будем кара- улить англичан. По крайней мере так я слышал от адъют<анта> его вы- сочества, бывшего третьего дни у нас на полко<вом> праздни<ке>. Здесь в зимнее время можно разорваться от скуки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершен<ном> почте- нии и предан<ности>, с которыми имею честь быть

Вашим покорнейшим слу<гой>

А. Фет.

15 февраля.

Мой адрес до 27 марта:

Поручику лейб<г>вардии Уланск<ого> его высочества полка Фе- ту Лифл<яндской> губер<нии> Дерптского уезда на станцию *Куйкац*.⁹

Признаюсь, досадно мне было видеть второй куплет в «Notturmo»¹⁰ выпущенным. «О скоро ли младенческая речь?...» Без него чего-то недо- стает — неполно. Неужели цензура не пропустила? Непонятно и неве- роятно! По-моему, вырвать этот куплет из эт<ого> стих<отворения> то же, что у человека вырвать сердце и пустить по свету.¹¹

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 2–3.
Год написания письма устанавливается по содержанию.

^а за заслуги (лат.).

¹ Краевская Елизавета Яковлевна (урожд. Брянская; 1818–1893) — жена А. А. Краевского, сестра Анны Я. Краевской (1817–1842) и Авдотьи Я. Панаевой (во втор. бр. Головачевой; 1820–1893).

² О датировке этого вечера см. во вступит. статье.

³ «Фет поручил мне попросить у вас экземпляра „От<естественных> запис<ок>“, — писал Боткин Краевскому 1 февраля 1843 г., — что я сим и выполняю, тем более, что он человек небогатый» (*Бумаги Краевского*. С. 60). С начала 1843 г. стихотворения Фета регулярно печатались в «Отечественных записках» (№ 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11).

⁴ Очевидно, Фет просил у Краевского номер журнала, в котором был опубликован его рассказ «Каленик»: *ОЗ*. 1854. Т. 93. № 3. Отд. I (Словесность). С. 13–16. См. также письмо 1.

⁵ «Грехами» Фет называет свои стихи, ср. в письме к Некрасову от 25 декабря 1855 г.: «Новые стихи <...> перешлю на рецензию Тургеневу. Но мне, наконец, совместно обременять его. Я его и так замучил возней с моими стихами. Недаром стихи и грехи — рифма» (цит. по: Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987. Т. 1. С. 522–523).

⁶ В первом номере «Отечественных записок» было опубликовано стихотворение Фета «Nocturno» («Последний звук умолк в лесу густом...») (*ОЗ*. 1855. Т. 98. № 1. Отд. I (Словесность). С. 156; подпись: А. Фет). См. о нем также постскриптум к наст. письму, а также примеч. 10 и 11.

⁷ Работу над переводами од Горация Фет начал, будучи студентом, в 1839 г. и в дальнейшем на протяжении многих лет неизменно к ней возвращался. Первые переводы были опубликованы уже в «Лирическом Пантеоне», затем появлялись в «Москвитянине» и в «Отечественных записках». После встречи в 1853 г. с Тургеневым, чрезвычайно высоко оценившим фетовские переводы из Горация и взявшимся напечатать перевод «на свой счет», поэт с воодушевлением принимается за полный перевод четырех книг од. По собственному признанию, практически за месяц он «перевел две последние книги од, тогда как перевод первых двух тянулся в продолжение пятнадцати лет» (*МВ*. Ч. 1. С. 27). Об истории перевода од Горация см.: *Фет. ССЛП*. Т. 2. С. 551–555. Еще в феврале 1854 г. Тургенев сообщал С. Т. Аксакову, что «помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 285), однако его выход в свет задержался на два года.

Изначально, по-видимому, перевод планировалось поместить в «Современнике». Его скорое появление анонсировалось в январской книжке журнала за 1854 г. Об этом свидетельствует и письмо Фета к Некрасову от 27 июня 1854 г., в котором он сообщал: «Гораций в совершенной зависимости у Тургенева — и слава богу» (цит. по: Переписка Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 520). Однако в «Современнике» перевод так и не появился. Впервые «Оды» Горация в переводе Фета были напечатаны в «Отечественных записках» в 1856 г. (№ 1, 3, 5, 6, 7) и тогда же вышли отдельной книгой.

Незадолго до публикуемого письма (11 февраля) Тургенев сообщал К. Н. Леонтьеву: «...собираюсь издавать Фетова *Горация*» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 15).

⁸ Фет интересуется судьбой своей повести «Дядюшка и двоюродный братец», которая была передана в редакцию «Отечественных записок», как следует из его

следующего письма к Краевскому, Тургеневым. Повесть была напечатана в октябрьской книжке журнала: *ОЗ*. 1855. Т. 102. № 10. Отд. I (Словесность). С. 171–238.

⁹ После объявления манифеста о войне с Англией и Францией в феврале 1854 г. полк, в котором служил Фет, был отправлен для охраны Балтийского побережья от возможного английского десанта и первоначально располагался в Ревеле. После отхода иностранной эскадры из Балтийского моря войска передвигались внутрь страны и Фет с полковым штабом оказался в г. Валке Дерптского уезда Лифляндской губернии (ныне г. Валка, через центр этого города проходит граница между Эстонией и Латвией). О пребывании в Валке поэт рассказал в «Моих воспоминаниях»: *МВ*. Ч. 1. С. 84–89.

¹⁰ Примечательно, что Фет называет стихотворение «Notturmo» (ноктюрн — *итал.*), а не «Nocturmo», как было напечатано в «Отечественных записках». Это позволяет предположить, что в журнале заглавие было произвольно изменено. В сборниках 1856 г. и 1863 г. стихотворение перепечатывалось уже без заглавия и в таком виде вошло во все последующие издания. Отметим, что у Фета есть еще одно стихотворение, озаглавленное «Notturmo», — «Ты спишь один, забыт на месте диком...», которое было впервые опубликовано в «Москвитянине» в 1842 г. и впоследствии также включено в сборник 1856 г. (под заглавием «Nocturno»). Именно это обстоятельство, по-видимому, вынудило Фета снять дублирующее заглавие для второго «ноктюрна».

¹¹ В журнальной публикации стихотворение было помещено без второй строфы, замененной рядом точек. В последующих изданиях Фет восстановил ее:

О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?

По всей видимости, эта строфа была снята по требованию цензора «Отечественных записок» Андрея Ивановича Фрейганга (1805–1875), на «целомудренность» (в том числе в политическом смысле) которого Краевский неоднократно жаловался в Цензурный комитет с 1848 г. (указано М. Д. Эльзоном).

3

8 мая 1855 г. Ревель

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Давно уже собирался поклониться Вам, но кочевая жизнь кидала с места на место, не давая средств приблизиться к почте. Журнала Вашего ожидаю с нетерпением, и вот уже 8 мая, а я еще не получил и апрельской книжки. — Если у Вас будет случай в контору «От<ечественных> записок», то будьте так обязательны — наладить мой экземпляр в г. Ревель. Здесь все получается из Петербурга на 3-й день.

Март м<еся>ц мне контора выслала в двух экземплярах.

Тургенев писал, что он сдал Вам мою повесть.¹ Жаль, что он не нашел времени ее пересмотреть. Что ж делать!

Милостивой государыне Елисавете Яковлевной прошу передать мой поклон и привет.

С истинным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой

А. Фет.

8 мая.

Мой адрес:

в г. Ревель,
Афанасью Афанасьевичу
Фету.

В штаб л<ейб> г<вардии> Уланского
его величества полка.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 4–4 об.
Год написания письма устанавливается по содержанию.

¹ Это письмо Тургенева к Фету неизвестно. О повести «Дядюшка и двоюродный братец» см. письмо 1, примеч. 8.

4

12 января 1856 г. Дертт

Милостивый государь
Андрей Александрыч!

Поздравив Вас с Новым годом, прибавлю, что, только зная Ваши многосложные занятия, я не хотел беспокоить Вас моими письмами, но это вовсе не значит, чтобы я забыл Вашу всегдашнюю ко мне любезность и внимание к моим просьбам. Может быть, Вы слышали, что Тургенев взял на себя труд издания моих стихов¹ и поэтому я покорнейше прошу Вас допустить его, по находящейся у него от меня доверенности, к получению под расписку из конторы денег, в число следующих мне, — по его усмотрению. Исполнением этой покорнейшей просьбы Вы снова меня обяжете и мне останется только просить у Вас позволения поблагодарить Вас лично в начале февраля, если только отпуск в Петербург будет мне разрешен.²

Елисавете Яковлевной прошу передать мой самый усердный поклон и затем принять уверение в том уважении, с которым я имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой
А. Фет.

Дерпт.
12 января.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 1–1 об.
Год написания письма устанавливается по содержанию.

¹ Речь идет об издании сборника «Стихотворений А. А. Фета», вышедшего в 1856 г. Подробнее об истории этого издания и роли Тургенева в нем см.: *Фет. ССЦП*. Т. 1. С. 455–456, а также: *Бухштаб. Обзор*. С. 564–566; *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа*. С. 378–380 и др.

² Как указывает Г. П. Блок, Фет находился в отпуску в Петербурге с 25 января по 7 февраля 1856 г. (*Летопись*. С. 304).